

Другая сторона проблемы - зависимость образа восприятия Ф.Гёльдерлином ландшафта от внутренней тональности всех частей книги, воспринимаемых скорее музыкально и составляющих в принципе линию сюжета (у Ф.Гёльдерлина каждый значимый герой приносит и уносит с собой смену определенного тона). Ландшафт также подчиняется смене тональностей в зависимости от того, где и с кем оказывается главный герой. Особое звучание ландшафту придает сопереживающая всем состояниям Гипериона природа - она здесь суть составляющая истории.

На первый взгляд историческое пространство, изображаемое Ф.Гёльдерлином в "Гиперионе", живет только прошлым. Но оно лишено "музейности", "экспонатности", пока существуют люди, подобные Гипериону. Таким образом, складывается мифологический образ ландшафта: будь то развалины древних Афин, горы в окрестностях Смирны или остров Саламин - все наполнено трепетным чувством жизни. При этом общение Ф.Гёльдерлина с греческой культурой, осуществляющееся через осмысление и мифологизацию исторического пространства, остается столь же личностным, сколь социально и политически направленным. Сумрачный немецкий гений ему чужд. Мировоззрение Ф.Гёльдерлина сближает его с английской романтической школой.

А.С.Кимерлинг

“ДЕЛО ВРАЧЕЙ” И НАУЧНАЯ СРЕДА (По материалам пермского архива)

Последняя политическая кампания сталинской эпохи - “дело врачей” - затронула университетскую среду страны, в том числе и Урала. В исследовании Г.Костырченко среди намеченных жертв указывался и Лев Наумович Коган¹. Начало кампании ознаменовала публикация во всех газетах “Сообщения ТАСС” и передовицы под обличающим названием “Подлые шпионы и убийцы под маской профессионалов врачей” от 13 января 1953 г. “Врачей-убийц” обсуждали во всех производственных и учебных коллективах, были организованы митинги и собрания. Только среди медицинских работников Прикамья состоялось 147 подобных митингов, где приняли участие 4409 человек². Поскольку речь шла о “врачах-вредителях”, в провинции также надо было “тряхнуть медиков”. Так возникло *дело областной клинической больницы*, в которой работали и преподаватели Молотовского медицинского института.

Следует заметить, однако, что эта кампания встречала и внутреннее противодействие со стороны местных властей и научных коллективов³. В

¹ Костырченко Г. В плену у красного фараона. М., 1994. С. 254.

² ГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп. 20. Д. 407. С. 1.

³ Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993.

архивных документах, датированных январем - апрелем 1953 г., содержатся ценные свидетельства на этот счет.

“Справку о крупных недостатках в работе областной клинической больницы” подготовила заведующая административным отделом З.Семенова, которая курировала медицину и правоохранительные органы. В справке друг за другом перечислены факты халатностей, неудачных операций, неверно поставленных диагнозов. Далее названы еврейские фамилии сотрудников, которые, вполне возможно, не были причастны к допущенным нарушениям. Особое место среди них занимает главный врач больницы - Л.В.Кац. 5 февраля 1953 г. Л.В.Кац был исключен из партии, а через полгода, когда “дело врачей” завершилось, восстановлен¹.

Ограничиться только больницей было невозможно. Начался поиск виноватых в мединституте. Первыми пострадали врачи-преподаватели, названные в справке. Заседание бюро Обкома КПСС по поводу областной клинической больницы состоялось 5 февраля 1953 г., и только 25 марта отреагировала первичная партийная организация. *Разбор персональных дел коммунистов доцента Лебедева, заведующего клиникой акушерства и гинекологии, профессора заведующего клиникой госпитальной хирургии Минкина и доцента кафедры акушерства и гинекологии Накорякова* был третьим пунктом повестки дня. Н.П.Лебедева подвергли резкой критике “за безответственное отношение к организации работы в операционной акушерско-гинекологического отделения, повлекшее за собой врачебные ошибки со смертельным исходом, за самоустранение от активного вмешательства по спасению тяжело больных, недооценки роли критики и самокритики”² и объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. Профессору Минкину предъявили аналогичное обвинение.

Доцент Н.К.Накоряков находился в подчинении у Н.П.Лебедева. “За недостаточно проявленную личную активность в удалении салфетки из брюшной полости у больной Рогозиной”³ он получил менее строгое наказание - *выговор без занесения в учетную карточку*, поскольку его, в отличие от заведующего отделением, сочли раскаявшимся. Хотя именно его *врачебная ошибка* привела к обвинению Н.П.Лебедева.

Политическая кампания в научных кругах носила менее разрушительный характер. Проявлялось стремление избежать крайних мер, не допустить до арестов и увольнений, хотя некоторые случаи жесткого наказания имели место. Так, например, декана лечебного факультета профессора А.О.Эдельштейна освободили от занимаемой должности как необеспечившего руководства.

“Дело врачей” завершилось в апреле 1953 г. реабилитацией фигурантов и даже признанием неправильности награждения Лидии Тимашук, од-

¹ ГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп. 200. Д. 16. С. 46.

² ГАНИ и ОПД. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 11. С. 185.

³ ГАНИ и ОПД. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 11. С. 185.

нако, в провинции политическая кампания не смогла прекратиться сразу. Как свидетельствует протокол заседания партийного бюро Молотовского медицинского института от 14 мая 1953 г., заведующего клиникой акушерства и гинекологии Н.П.Лебедева сочли недостойным звания профессора. И только 22 октября вновь были рассмотрены персональные дела Н.П.Лебедева и Н.К.Накорякова. В результате было *единогласно* принято решение о снятии партийного взыскания. Интересно то, что причиной данного решения послужило не только широко озвученное утверждение об *осознании и исправлении товарищами своих ошибок*. В начале слушания сообщается следующее: “Этот материал не был передан в Ленинский РК КПСС на утверждение... Партбюро выносит предложение... об отмене решения о наложении взыскания”¹.

Научные кадры мединститута пытались снизить накал кампании, перевести ее с политических рельсов на профессиональную почву. Критике подвергались ошибки, которые требуют взысканий, но не уголовной ответственности.

Е.А. Бородина

ИГРА И СПОРТ: АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ И ГРАНИЦ

Игра - это свободная деятельность, совершающаяся не по принуждению. Игра в своей основе бескорытна, отличается импровизацией, неожиданностью, парадоксальностью, направлена против автоматизма окружающей жизни и ее зарегулированности. Игра нередко выполняет функции тренировки способностей, необходимых для реализации какой-либо деятельности, развития самообладания. Важен и такой аспект потребности в игре, как компенсация того, что человек не обнаруживает в реальной жизни.

Таким образом, игра всегда в той или иной мере дистанцируется от повседневности, игровое состояние всегда есть преобразование окружающего мира. Известный голландский культуролог Й.Хейзинга (1872-1945), разрабатывая теорию игры, употреблял понятие “священная игра”, вскрывая существенную взаимосвязь мифического и игрового действий. Каждый играющий верит в безусловность происходящего, и уже “примитивным формам игры с самого начала присущи радость и изящество. Красота движений человеческого тела находит свое высшее выражение в игре”².

Многообразие игровых форм потрясает, и потому трудно создать какую-либо схему классификации игр. Х.Шойерль, определив невозможность решения этой задачи, сказал: “Поскольку игра может возникнуть во всех областях человеческой деятельности, то для того, чтобы составить

¹ Там же. Д. 34. С. 56.

² Хейзинга Й. Homo Ludens. М., 1992. С.16.